

12. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: ОНИКС 21 век: Мир и Образование, 2003.

13. Сельскохозяйственный словарь-справочник / под ред. А.И. Гайстера. 2-е изд., доп. и испр. М.: Л.: Сельхозгиз, 1934.

14. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: терминологическая деятельность. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

15. Тезаурус АСНТИсельхоз / под общ. ред. З.В. Лебедевой. М., 1990.

* * *

1. Bogdanov S.M. Illjustrirovannyj sel'sko-hozjajstvennyj slovar'. Jenciklopedija sel'skogo hozjajstva. Kiev, 1895.

2. Burnashev V.P. Opyt terminologicheskogo slovarja sel'skogo hozjajstva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo: v 2 t. Spb., 1843–1844. T. 1–2.

3. Vinokur G.O. O nekotoryh javlenijah slovo-obrazovanija v russkoj tehničeskoj terminologii // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury : sb. st. po jazykovedeniju. M., 1939. S. 3–54.

4. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie: ucheb. posobie. M.: Akademija, 2008.

5. Dan'kova T.N. Russkaja terminologija rastenievodstva: istorija stanovlenija i sovremennoe sostojanie: monografija / nauch. red. O.V. Zagorovskaja. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2010.

6. Kondrashov V.V. O haraktere i sistemnosti edinic voennoj nomenklatury v stranah anglijskogo jazyka // Aktual'nye voprosy leksikologii. Novosibirsk, 1971. S. 67–69.

7. Kochin G.E. Sel'skoe hozjajstvo na Rusi v period obrazovanija Russkogo centralizovannogo gosudarstva: konec XIII – nachalo XVI v. M.; L.: Nauka, 1965.

8. Milov L.V. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoričeskogo processa. M.: Polit. jencikl. (ROSSPJEN), 1998.

9. Novoe sel'skoe hozjajstvo. 2007. № 1.

10. Novoe sel'skoe hozjajstvo. 2007. № 5.

11. Reformatskij A.A. Mysli o terminologii // Sovremennye problemy russkoj terminologii. M.: Nauka, 1986. S. 163–198.

12. Rozental' D. Je., Telenkova M. A. Spravochnik po russkomu jazyku. Slovar' lingvističeskij terminov. M.: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovanie, 2003.

13. Sel'skohozjajstvennyj slovar'-spravochnik / pod red. A. I. Gajstera. 2-e izd., dop. i ispr. M.; L.: Sel'hozgiz, 1934.

14. Superanskaja A. V., Podol'skaja N. V., Vasil'eva N. V. Obshhaja terminologija: terminologičeskaja dejatel'nost'. 3-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2007.

15. Tezaurus ASNTI sel'hoz / pod obshh. red. Z. V. Lebedevoj. M., 1990.

Development peculiarities of the agricultural nomenclature units of the Russian language

There are described the theoretical issues of functioning of the nomenclature units of the Russian language. Based on the vocabulary from various thematic groups of the agricultural sphere there are analyzed the peculiarities of nomens formation which denote the realities of plant growing in various periods of the history of Russia and the Russian language: the period of formation of the Russian centralized state (late XIII – early XVI centuries), XVIII, XIX centuries, Soviet and modern periods. There is emphasized the close connection of the nomenclature denotations and agricultural terms.

Key words: *nomenclature units, agricultural sphere, varieties and sorts of agricultural crops.*

(Статья поступила в редакцию 02.10.2015)

Т.А. КОРОТКИХ
(Орехово-Зуево)

ЯЗЫКОВОЙ СТАТУС КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Проведён лингвистический анализ крылатых выражений как объекта фразеологии. Дан критический обзор специальной литературы. Автор предлагает свою точку зрения по дискуссионным вопросам теории фразеологии: уточняет объём фразеологии, устанавливает критерии фразеологизации крылатых выражений, применяет структурно-семантическую классификацию к исследуемому материалу, делает вывод о крылатых выражениях как важном источнике фразеологического состава языка.

Ключевые слова: *объём фразеологии, крылатые выражения как объект фразеологии, критерии фразеологизации крылатых выражений, классификация немецкой фразеологии.*

Выражение «крылатые слова» восходит к древнегреческому поэту Гомеру (εραρτεροετα), в поэмах которого оно встречается неоднократно («Он крылатое слово про-

молвил», «Между собой обменялись словами крылатыми тихо») и который называл слова «крылатыми» на том основании, что из уст говорящего они как бы на крыльях летят к уху слушающего. Но научным термином оно стало только после выхода в свет в 1864 г. сборника немецкого филолога Г. Бюхманна (1822–1884) под названием «Крылатые слова» (нем. *Geflügelte Worte*) и выдержавшего в Германии множество изданий [14].

К «крылатым» традиционно относят слова и выражения, автор или литературный источник которых может быть установлен и которые вошли в широкое и длительное употребление данного (или другого) языка. У отдельных исследователей встречается также более широкое понимание «крылатых слов»: этим термином обозначают различные образные выражения, не только происходящие из литературных источников, но и возникшие в быту (народные поговорки, присловья и т.д.). Подобное толкование было дано, например, беллетристом-этнографом XIX в. С.В. Максимовым [10]. В таком случае, однако, круг явлений, объединяемых названием «крылатые слова и выражения», непомерно расширяется. Решительное возражение вызывает также факт отнесения некоторыми авторами к составу фразеологии имён собственных типа «Каин», «Плюшкин», «Обломов», получивших обобщённо-образное значение, но являющихся отдельными словами, т.е. цельноформленными языковыми образованиями. Между тем одним из критериев фразеологической единицы (ФЕ) является её раздельноформленность, что признаётся всеми учёными.

При исследовании крылатых выражений (КВ) как объекта фразеологии следует отдать предпочтение именно термину «крылатые выражения», поскольку он устраняет ненужные ассоциации с отдельным словом: применительно к фразеологическому составу языка речь может идти лишь об устойчивых словесных комплексах (УСК).

КВ объединяются литературным – в широком смысле – происхождением. Важнейшим литературным источником КВ является Библия, например: нем. *die Perlen vor die Säue werfen*, англ. *cast pearls before swine*, рус. *метать бисер перед свиньями*; нем. *ein Wolf im Schafspelz*, англ. *awolfinsheep'sclothing*, рус. разг. презр. *волк в овечьей шкуре*. Многие КВ восходят к античной мифологии: нем. *der Apfel der Zwietracht*, англ. *the apple of discord*, рус. *яблоко раздора*; нем. *das Goldene Zeital-*

ter, англ. *the golden age*, рус. *золотой век*. КВ могут быть связаны также с историческими событиями. Так, следующий оборот: нем. *den Rubikon überschreiten*, англ. *cross the Rubicon*, рус. *перейти Рубикон* – связан с военными походами Цезаря и употребляется в переносном значении «сделать решающий шаг». Многие КВ имеют своим источником национальную художественную литературу.

Группа последних многочисленна. Крылатыми могут стать не только названия тех или иных литературных произведений, например: *Im Westen nichts Neues* («На Западном фронте без перемен») (Э.М. Ремарк); *The last of the Mohicans* («Последний из могиан») (Ф. Купер), но и самые разные по структуре и содержанию отрывки из текстов писателей, в том числе афоризмы и сентенции: *Wo viel Licht ist, ist starker Schatten* (Где много света, там гуще тень), т.е. чем больше достоинств, тем заметнее недостатки (И.В. Гёте); *Ernst ist das Leben, heiter (ist) die Kunst* (Сурова жизнь, но радостно искусство) (Ф. Шиллер).

Лексическая лаконичность и смысловая ёмкость КВ нередко способствуют их переходу в состав фразеологии того или иного языка. Так, в русском языке широко известными и употребительными являются многие выражения из произведений А.С. Грибоедова («И дым отечества нам сладок и приятен»), И.А. Крылова («демянова уха», «А воз и ныне там»), А.С. Пушкина («Любви все возрасты покорны»). Английский язык обогатился шекспиризмами (a fool's paradise (призрачное счастье, мир фантазий), the green-eyed monster (книжн.: чудовище с зелёными глазами), т.е. ревность). В пополнении фонда КВ, вошедших в немецкую фразеологию, особенно велика заслуга классика немецкой литературы Ф. Шиллера.

КВ представляют собой образования, чрезвычайно неоднородные как в структурном, так и в семантическом отношении. По своей синтаксической структуре это могут быть словосочетания («буриданов осёл»), простые предложения («А ларчик просто открывался»), сложные предложения («Кто сеет ветер, пожнёт бурю») и разнообразные синтаксически незавершённые фрагменты («без божества, без вдохновенья», «не мудрствуя лукаво»). Возможны также случаи существования КВ в форме сверхфразовых единств.

В семантическом отношении КВ характеризуются различной степенью переосмысления их компонентного состава. В одних КВ каждый компонент сохраняет свою индивиду-

альную семантику, например: *Was nicht verboten ist, ist erlaubt* (Что не запрещено, то разрешено) (Ф. Шиллер). Другие подверглись частичному или полному метафорическому сдвигу. Например, крылатая фраза из трагедии Гёте «Фауст» *Das also war des Pudels Kern!* («Так вот кто в пуделе сидел!»), произнесённая Фаустом после превращения чёрного пуделя в Мефистофеля, употребляется ныне в обобщённо-метафорическом значении «Так вот что здесь кроется!; Вот в чём суть дела!» [3, с. 443; 17, S. 2065].

Наконец, некоторые КВ настолько укоренились в том или ином языке, что утратили свои жанровые особенности, свой «цитатный» характер и употребляются наряду с другими ФЕ зачастую без ассоциации с контекстом-источником (автором), например: *sich wie ein roter Faden durch etwas ziehen* (проходить красной нитью через что-либо) (из романа Гёте «Родственные натуры»), *das Auge des Gesetzes* (шутл. *око закона*), т.е. полиция (из «Песни о колоколе» Шиллера). Другие КВ могут развивать обобщённо-переносное значение и при сохранении ими авторских ассоциаций; ср., например, название баллады Шиллера «*Die Kranichedes Ibykus*» («Ивиковы журавли»), ставшее символом отмщения, возмездия [3, с. 348].

В связи с подобной неоднородностью КВ их лингвистическое изучение весьма затруднено. Поэтому некоторые вопросы, касающиеся КВ, ещё недостаточно разработаны. Между тем необходимость изучения КВ очевидна: их удельный вес в языке значителен. В этой связи представляется необходимым установить языковой статус крылатых выражений по отношению к фразеологической системе языка, что и является основной целью данной научной статьи. Для достижения этой цели нужно решить ряд задач: чётко определить объём фразеологии; выявить критерии фразеологизации КВ; рассмотреть классификацию ФЕ немецкого языка и применить её к крылатым выражениям.

Изучение фразеологии как науки началось на материале русского языка (В.В. Виноградов) и было продолжено на материале других языков: английского (А.В. Кунин) и немецкого (И.И. Чернышева, А.Д. Райхштейн и их последователи). Начало наиболее интенсивного развития фразеологии приходится на 40 – 70-е гг. XX в., причём именно отечественным учёным принадлежит приоритет в выделении её в особый раздел языкознания. Их ве-

дущую роль в исследовании фразеологии признают и зарубежные лингвисты [19]. Проходя сложный путь становления как особая лингвистическая дисциплина и являясь достаточно новым разделом языкознания, фразеология содержит ещё ряд дискуссионных вопросов, к которым относится, в частности, проблема установления объёма фразеологии.

При обсуждении проблемы объёма фразеологии на первый план выступают два спорных вопроса: 1) о правомерности включения в состав фразеологии пословиц, поговорок, крылатых слов и т.д. и 2) об отнесении к объектам фразеологии семантически аналитичных устойчивых сочетаний. Таким образом, в общую проблему объёма фразеологии входит вопрос о языковом статусе КВ по отношению к фразеологической системе языка.

Изучение литературы показало, что наибольшие разногласия здесь вызываются следующими двумя моментами: 1) вопросом о возможности включения в состав собственно фразеологии УСК со структурой предложения, в том числе КВ в форме предложения (крылатых фраз); 2) вопросом о критериях фразеологизации крылатых выражений.

По первому вопросу среди фразеологов имеются две диаметрально противоположные точки зрения. Многие языковеды (В.Л. Архангельский, Л.А. Булаховский, С.Г. Гаврин, Л.Ф. Козырева, А.В. Кунин, А.Д. Райхштейн, А.А. Реформатский, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский) в своих трудах включают, с теми или иными уточнениями или без них, крылатые фразы наряду с пословицами и поговорками во фразеологический фонд языка. Другие исследователи (Н.Н. Амосова, А.М. Бабкин, В.П. Жуков, Л.Н. Кожин, А.И. Молотов, С.И. Ожегов) считают нецелесообразным «расширять» объём фразеологии за счёт образований в форме предложения. (Среди немецких фразеологов подобной точки зрения придерживаются, хотя и не всегда последовательно, В. Фридерих и Э. Агрикола.) Аргументация сторонников последней точки зрения сводится, в основном, к следующему.

В своих суждениях исследователи исходят из принципа структурного единообразия. Так, С.И. Ожегов полагает, что КВ не могут быть зачислены во фразеологический состав языка и являться объектом лингвистического изучения ввиду отсутствия специфических «своих» структур, как бы «случайности» этих структур для системы языка и специфичности по характеру значений, и предлагает различать фра-

зеологию в «узком смысле» и фразеологию в «широком смысле» и относить «крылатые слова» к последней [11, с. 194–195].

Н.Н. Амосова выдвигает особенно подробную аргументацию против включения образований со структурой предложения в состав фразеологии. «И фразеологизм, и слово суть единицы языка, нормально используемые в речи как единицы номинации» [1, с. 180], ибо как слово, так и фразеологизм обладают, по мнению автора, лексическим значением. (Заметим сразу же, что семантика ФЕ по сравнению с семантикой слова имеет свою специфику. ФЕ как раздельнооформленный словесный комплекс обладает более «широкой» семантикой, в которой всегда присутствует коннотативный компонент значения, и не может быть сведена к лексическому значению.) Пословицы же и поговорки являются единицами коммуникации, поэтому не могут обладать «целостным лексическим значением». На этом основании Н.Н. Амосова считает невозможным отнести их к фразеологии, солидаризуясь с Х. Касаресом, который резко отделял фразеологические единицы («речения») от пословиц и «провербальных сочетаний» [5].

Нетрудно заметить, что возражения против включения во фразеологию пословиц, поговорок и крылатых фраз основываются главным образом на теории «эквивалентности ФЕ слову», которая восходит к теории идентификации экспрессивных фактов швейцарского лингвиста Ш. Балли [2]. Учёный указывал на возможность подстановки вместо фразеологического оборота одного простого слова («слова-идентификатора») как на самый общий признак ФЕ. Некоторые лингвисты относят к ФЕ только «эквиваленты слов», т.е. словосочетания, выполняющие в языке функцию номинации, выступающие в предложении в роли одного из его членов и уподобляющиеся, таким образом, словам (ср. рус. «бить баклуши» = «бездельничать») – в отличие от устойчивых фраз, которые являются единицами коммуникации и эквивалентами слов, как правило, быть не могут.

В.В. Виноградов, положивший в основу своей классификации фразеологических единиц русского языка, вслед за Ш. Балли, признает «эквивалентности слову», тем не менее в число ФЕ включал также предложения: «К области фразеологических единств относятся и многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения, и народ-

ные пословицы и поговорки» [4, с. 61]. Правда, в более поздних трудах автор ничего не говорит о пословицах, но отмечает, что фразеологические сращения могут выступать и в роли целых предложений.

Даже противники включения в состав фразеологии пословиц и поговорок признают их явное сходство с собственно ФЕ. Так, Н.Н. Амосова пишет: «Пословицы и поговорки предикативной структуры сходны с фразеологическими единицами многими своими чертами. Во-первых, их лексический состав является постоянным; во-вторых, смысл их традиционен и в большинстве случаев имеет фигуральный характер; в-третьих, многие из них демотивированы или имеют неясную мотивировку, именно в силу условности их содержания; в-четвёртых, лексические значения их компонентов безусловно ослаблены; в-пятых, они явно не создаются в процессе речи, а воспроизводятся в готовом виде» [1, с. 143]. Но это высказывание можно было бы считать аргументацией в защиту включения пословиц и поговорок в состав фразеологии языка.

Сторонниками эквивалентности ФЕ слову иногда признаётся также факт существования ФЕ в форме предложения. Так, А.И. Смирницкий допускает факт вхождения устойчивых предложений в систему языка: «При этом нужно заметить, что пословицы, поговорки, афоризмы и вообще различные изречения выступают в качестве единиц языка именно постольку, поскольку они воспроизводятся как средство для (более яркого, образного, острого) выражения мысли в процессе общения» [13, с. 16–17].

Наличие функции коммуникации не может считаться основанием для исключения того или иного выражения из фразеологии языка, ибо номинация и коммуникация так тесно переплетаются в языке, что, как справедливо полагает А.В. Кунин, исключение из фразеологии коммуникативных единиц на основе «мало плодотворной» теории эквивалентности ФЕ слову является совершенно неоправданным: «Объём фразеологии должен быть максимальным в пределах чётко установленных границ» [9, с. 1259]. Таким образом, теория эквивалентности ФЕ слову, в конечном счёте препятствующая выделению из лексикологии фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, не может служить основанием для выведения пословиц, поговорок и крылатых фраз из фразеологического состава языка. Характерно, что «относитель-

ность» этой теории отмечается и её сторонниками. Так, Н.Н. Амосова считает, что эквивалентность слову не следует включать в общее определение ФЕ в качестве одного из её опорных пунктов [1, с. 180].

В настоящее время данное обстоятельство признаётся большинством учёных-языковедов. В лингвистической литературе существует несколько терминов для обозначения ФЕ в форме предложения: «фразеологические выражения» (Л.И. Ройзензон, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский), «коммуникативные фразеологические единицы» (А.В. Кунин), «устойчивые фразы» (В.Л. Архангельский, С.Г. Гаврин, Л.Ф. Козырева, А.Д. Райхштейн), при этом наибольшее распространение получил последний термин – «устойчивые фразы» (нем. *festgeprägte Sätze*).

Факт признания того, что пословицы, поговорки и крылатые фразы должны рассматриваться во фразеологии, является весьма знаменательным, ибо он не позволяет неоправданно уменьшать объём фразеологии языка и оставлять за её пределами такой богатый и ценный языковой материал.

Вторым дискуссионным моментом, затрагивающим проблему КВ в лингвистической литературе, является вопрос о критериях фразеологизации КВ, а именно: можно ли считать фразеологической единицей крылатое выражение, обладающее всеми основными признаками фразеологичности, но ещё связанное в сознании говорящего с породившим его источником (с именем автора, первичной контекстной ситуацией и т.д.)?

Некоторые учёные решительно возражают против включения подобных КВ в состав собственно фразеологии языка. Так, С.И. Ожегов считает, что переход КВ в разряд ФЕ совершается в тот момент, когда оно становится «безымянным»: «Часто в процессе употребления “крылатое слово” утрачивает оттенки, связывающие его с представлениями об авторе, о колорите контекста или эпохи. В этих случаях, особенно при совпадении с синтаксическими формами и функциями фразеологии языка или при некоторой синтаксической трансформации, “крылатые слова” входят в ряды собственно фразеологии» [11, с. 195]. А.И. Смирницкий подчёркивает, что воспроизведение ФЕ никогда не носит характер «цитирования», т.к. они, по мнению учёного, воспроизводятся как принципиально не имеющие автора, как общее достояние народа [13, с. 229].

В.В. Виноградов, напротив, считает допустимым, чтобы ФЕ имела своего автора, была

связана с первичным контекстом: «К фразеологическим единствам относятся и так называемые крылатые выражения, многие из которых носят на себе ещё не стёртую историей печать индивидуального творчества» [4, с. 61].

Многие лингвисты критерий «авторства» при зачислении КВ в разряд ФЕ считают несущественным. И действительно, если цитата стала крылатой и широко употребляется в речи, она не теряет своей образности и обобщения смысла, даже если она ещё сохраняет авторские ассоциации. Критерий «безымянности» ФЕ является несостоятельным, т.к. на его основе практически невозможно провести границу между КВ, вошедшими в состав фразеологии, и КВ, оставшимися за её пределами. Таким образом, если крылатое выражение обладает всеми признаками фразеологичности и широко распространено в языке в обобщённо-переносном значении, его не следует исключать из состава фразеологии, независимо от того, забыт или известен его литературный источник.

В процессе длительного употребления в речи многие КВ в той или иной степени теряют связь с контекстом-источником, что объективно способствует усилению их обобщённо-метафорического значения. Но процесс приобретения ими этого признака фразеологичности не должен прямолинейно отождествляться с процессом утраты ассоциативных связей. В действительности нередки случаи, когда то или иное КВ развивает переносное значение и при сохранении чёткой ассоциации с автором. Более того, став крылатым и начав употребляться в разнообразных контекстах, любое выражение из литературного источника всегда отрывается (в той или иной степени) от своего первоначального контекста, т.е. можно говорить о некоторой утрате связи с его первичным контекстом-источником и об усилении обобщённого значения.

Отнесение утраты авторских ассоциаций к числу решающих критериев фразеологизации КВ не является правомерным уже потому, что данный критерий не лишён субъективного момента. В исследуемом материале есть многочисленные примеры того, как одно и то же крылатое выражение относилось одними исследователями к разряду «безымянных», а другими – к разряду «цитат».

Следует учитывать также тот факт, что утрата ассоциативных связей – это сложный психологический процесс, который по-разному протекает у носителей языка. Акты

репродуцирования и восприятия КВ разными носителями языка также могут осуществляться различно. Очевидно, что во многих случаях сохранение ассоциации с контекстом-источником или автором того или иного КВ определяется степенью образованности и общей культуры говорящего, а также известностью самого литературного произведения.

Думается, что критерий утраты авторства может иметь решающее значение лишь при зачислении того или иного КВ в собственно пословичный фонд языка, т.к. именно пословицы воспринимаются как достояние всего народа, а не как создание отдельного автора. Иными словами, специфической особенностью пословиц является ссылка на авторитет народной мудрости, а не отдельного лица, создавшего их [12, с. 47–48].

Итак, основными критериями фразеологизации крылатых выражений в настоящей работе признаются следующие: 1) формальное совпадение с синтаксической структурой ФЕ в форме словосочетаний и фраз; 2) приобретение или усиление обобщённого или обобщённо-метафорического значения; 3) употребление в речи без специальной ссылки на источник происхождения (автора). При зачислении КВ в разряд пословиц последний критерий должен быть обязательно подтверждён фактом лексикографической фиксации данной устойчивой фразы наиболее авторитетными словарями современного языка – фразеологическими, толковыми или переводными – без указания источника происхождения (автора) или с пометой *пословица* (нем. *Sprichwort*).

Данное обстоятельство не исключает возможной известности автора того или иного КВ, но предполагает употребление его в устной или письменной речи без ссылки на литературный источник и автора, в противном случае КВ переводится в разряд «цитат» – дословно приводимых из произведений поэта или писателя отрывков, при цитировании которых обязательным является точное указание источника (автора) и выделение на письме вычками.

В отечественной германистике имеется несколько типов классификаций ФЕ немецкого языка, которые отражают в известном смысле периоды развития фразеологии как науки: семантическая, функциональная, стилистическая, лексико-стилистическая. В настоящее время наиболее распространённой является структурно-семантическая классификация, разработанная И.И. Чернышевой на осно-

ве комплексного метода, который учитывает грамматическую (синтаксическую) структуру, способ сцепления компонентов и значение, возникающее в результате взаимодействия структуры и наличия или отсутствия семантических сдвигов в компонентном составе УСК [15]. Отсюда фразеологизмы можно определить как УСК различных структурно-синтаксических типов с единичным сцеплением компонентов, чьё значение возникает путём полного или частичного семантического преобразования компонентного состава.

Комплексный метод позволяет выделить четыре класса УСК: 1) фразеологизмы; 2) фразеологизованные образования; 3) моделированные образования; 4) лексические единства. Последние три класса представляют собой УСК нефразеологического типа. Первый разряд – фразеологизмы – включает в себя все собственно ФЕ современного немецкого языка и представляет поэтому наибольший интерес, особенно в плане темы нашего исследования.

Класс фразеологизмов включает в себя: 1) фразеологические единства (т.е. устойчивые словосочетания с полностью переосмысленным компонентным составом): *etwas auf dem Kerbholz haben* (чувствовать за собой какую-либо вину); 2) фразеологические сочетания (с частично переосмысленным компонентным составом): *diesilberneHochzeit* (серебряная свадьба); 3) фразеологические выражения, или устойчивые фразы (пословицы и поговорки): *Es ist nicht alles Gold, was glänzt* (Не всё то золото, что блестит), *Da liegt derHund begraben!* (Вот где собака зарыта!) (т.е. вот в чём суть дела!), *Du kriegstdie Motten!* (возглас удивления, неодобрения).

При рассмотрении вопроса о классификации ФЕ немецкого языка особо следует остановиться на проблеме КВ, перешедших в разряд ФЕ. Нередко в учебной литературе по немецкой лексикологии даётся так называемая «традиционная» классификация ФЕ, согласно которой наряду с парными сочетаниями слов (*mit Mann und Maus*), идиомами (*unter die Hautbringen*) и пословицами (*Morgenstunde hat Gold im Munde*) выделяется группа «крылатых слов» (например: *das ewig Weibliche – Gёte*; *Was ist der langen Rede kurzer Sinn?* – Шиллер) [20]. Подобное же выделение КВ в отдельную группу нередко встречается и в немецкой специальной литературе [16].

Нетрудно заметить, что в подобных классификациях не выдерживается единый принцип систематизации фразеологического мате-

риала, что проявляется, в частности, в факте выделения КВ как особой группы ФЕ. Выделение КВ в отдельную группу в таких, по существу сугубо синхронных, классификациях представляется непоследовательным: объединение КВ осуществляется на основе наличия у них литературного источника, т.е. экстралингвистического, неязыкового признака. Выделение КВ в особую группу ФЕ вносит разноплановость в систематизацию фразеологизмов, поскольку здесь учитываются не структурно-семантические свойства крылатых выражений, а их происхождение, т.е. диахронический признак. А для синхронного описания фразеологической системы, в которой они функционируют, рассмотрение КВ как особой группы является неправомерным, т.к. по своей структуре и семантике они не отличаются от других фразеологизмов. Вести речь о КВ из античной мифологии, Библии и художественной литературы, вошедших в широкое употребление и в состав фразеологии языка, можно (и нужно) лишь в этимологическом и культурно-историческом аспектах, как об источниках той или иной ФЕ.

Всё вышесказанное означает, что крылатые выражения, отвечающие основным признакам ФЕ, должны подвергаться наряду с остальными фразеологизмами классификации, общей для всего фразеологического состава того или иного языка.

Автором данной работы был проведён этимологический и лингвистический анализ крылатых выражений, имеющих литературный источник (произведения Ф. Шиллера), с точки зрения их совпадения со структурно-семантическими типами ФЕ современного немецкого языка, а также в плане их функционирования в современной немецкой речи. Результаты этого исследования изложены в ряде научных публикаций автора (см., например: [6; 7; 8; 21]).

Многие КВ из произведений Ф. Шиллера по настоящее время сохраняют широкую известность и употребительность в немецком языке, что подтверждается фактом их регистрации современными толковыми и фразеологическими словарями [3; 17; 18] и, частично, фиксацией в текстах немецкой художественной литературы и прессы, а также известностью среди информантов-носителей немецкого языка.

Как и все фразеологизмы немецкого языка, исследуемые единицы по своей структурной организации являются образованиями

двух типов: ФЕ со структурой словосочетания (фраземы) и ФЕ со структурой предложения (устойчивые фразы). Каждая структурная группа характеризуется со стороны семантики неоднородностью входящих в неё единиц.

К разряду фразеологических единств относится, например, глагольный фразеологизм *seine Pappenheimer kennen* (букв. *знать своих пappenгеймцев*), восходящий к драме Шиллера «Смерть Валленштейна» и кодифицированный авторитетными словарями [3, с. 430; 17, S. 1947] в обобщённо-метафорическом значении «разг. *знать досконально своих людей; знать тех, с кем имеешь дело и чего от них можно ожидать*». К разряду фразеологических сочетаний можно отнести оборот *die Damen in schönem Kranz* (дамы (сидящие) красивым венком, т.е. полукругом) из баллады Шиллера «Перчатка».

Преобладающим типом ФЕ в исследуемом материале являются устойчивые фразы пословичного и поговорочного типа. Так, например, из «народной» драмы Шиллера «Вильгельм Телль» происходят такие общеупотребительные пословицы, как *Früh übt sich, was ein Meister werden will* (Кто сызмала начнёт, тот мастер будет); *Die Axt im Haus erspart den Zimmermann* (Коль в доме есть топор, то плотник ни к чему) (т.е. тогда всё можно сделать самому); *Allzu straff gespannt zerspringt der Bogen* (Натянутый сверх меры, треснет лук) и др. К поговоркам немецкого языка относятся, например, такие устойчивые фразы: *Spät kommt Ihr, doch Ihr kommt* (Хотя и поздно, но вы всё-таки пришли) («Пикколомини»); *Was tun? spricht Zeus* (букв. «Что делать?» – *вопрошает Зевс*, т.е. ≈ что нам делать, как нам быть?) (из стихотворения «Раздел земли»).

Крылатые выражения, как и остальные ФЕ немецкого языка, могут подвергаться также некоторым узуальным, нормативным видоизменениям своего лексико-грамматического состава [6], а также окказиональным преобразованиям с целью достижения стилистических эффектов.

Таким образом, крылатые выражения Ф. Шиллера как по своей структурно-семантической характеристике, так и по функциональному диапазону совпадают с основными разрядами ФЕ и являются важным источником пополнения и развития фразеологического фонда немецкого литературного языка.

В заключение необходимо подчеркнуть, что как объект фразеологии крылатые выражения любого языка представляют собой ценный

языковой материал, который требует дальнейшего лингвистического изучения, особенно в плане образования на их основе новых фразеологизмов.

Список литературы

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: ЛГУ, 1963.
2. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с франц.; под ред. Е.Г. Эткинда. 2-е изд., стер. М.: ИЛ, 1961.
3. Бинович Л.Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. 2-е изд., исп. и доп. М.: Русский язык, 1975.
4. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л.: ЛГУ, 1946. С. 45–69.
5. Касарес Х. Введение в современную лексикографию / пер. с исп. М.: ИЛ, 1958.
6. Коротких Т.А. О варьировании фразеологизмов литературного происхождения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Ч. 1. С. 101–104.
7. Коротких Т.А. Семантическая деривация в немецкой фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51). Ч. 1. С. 99–102.
8. Коротких Т.А. Крылатые выражения Ф. Шиллера как источник немецких пословиц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (100). С. 223–230.
9. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины // А.В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь: В 2 кн. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1967.
10. Максимов С.В. Крылатые слова. Спб.: Изд. А.С. Суворина, 1890.
11. Ожегов С.И. О структуре фразеологии // С.И. Ожегов. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высш. шк., 1974. С. 182–219.
12. Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы. Л.: Просвещение, 1971.
13. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: ИЛ, 1956.
14. Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volks. Berlin: Haude und Spener, 1864.
15. Černyševa I.I. Phraseologie // Stepanova M.D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M.: Academia, 2003. S. 176–232.
16. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. von P. Grebe. Mannheim: Bibliographisches Institut Dudenverlag, 1959.
17. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Herausgegeben und bearbeitet vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim/ Wien/ Zürich: Bibliographisches Institut, 1981.
18. DUDEN. Zitate und Aussprüche: Herkunft und aktueller Gebrauch. 3., überarbeitete und aktualisierte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2008. Bd.12.
19. Häusermann J. Phraseologie. Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1977.
20. Iskos A., Lenkova A. Deutsche Lexikologie. 3., vermehrte und verbesserte Auflage. Leningrad: Prosveshhenie, 1970.
21. Korotkikh T.A. Preconditions for the transition of individual expressions of Friedrich Schiller into the category of winged words. // The Sixth European Conference on Languages, Literature and Linguistics. 26th April, 2015. «East–West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria. Vienna, 2015. P. 24–29.

* * *

1. Amosova N.N. Osnovy anglijskoj frazeologii. L.: LGU, 1963.
2. Balli Sh. Francuzskaja stilistika / per. s franc.; pod red. E.G. Jetkinda. 2-e izd., ster. M.: IL, 1961.
3. Binovich L.Je., Grishin N. N. Nemecko-russkij frazeologičeskij slovar'. 2-e izd., isp. i dop. M.: Russkij jazyk, 1975.
4. Vinogradov V.V. Osnovnye ponjatija ruskoj frazeologii kak lingvističeskoj discipliny // Trudy jubilejnoj naučnoj sessii LGU. Sekcija filol. nauk. L.: LGU, 1946. S. 45–69.
5. Kasares H. Vvedenie v sovremennuju leksikografiju / per. s isp. M.: IL, 1958.
6. Korotkih T.A. O var'irovanii frazeologizmov literaturnogo proishozhdenija // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 8 (50). Ch. 1. S. 101–104.
7. Korotkih T.A. Semantičeskaja derivacija v nemečkoj frazeologii // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 9 (51). Ch. 1. S. 99–102.
8. Korotkih T.A. Krylatye vyrazhenija F. Shillera kak istočnik nemeckih poslovic // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2015. № 5 (100). S. 223–230.
9. Kunin A.V. Osnovnye ponjatija anglijskoj frazeologii kak lingvističeskoj discipliny // A.V. Kunin. Anglo-russkij frazeologičeskij slovar': V 2 kn. 3-e izd. M.: Sov. jencikl., 1967.
10. Maksimov S.V. Krylatye slova. Spb.: Izd. A.S. Suvorina, 1890.
11. Ozhegov S.I. O strukture frazeologii // S. I. Ozhegov. Leksikologija. Leksikografija. Kul'tura reči. M.: Vyssh. shk., 1974. S. 182–219.
12. Rajshštejn A.D. Nemeckie ustojchivye frazy. L.: Prosveshhenie, 1971.
13. Smirnitskij A.I. Leksikologija anglijskogo jazyka. M.: IL, 1956.

Linguistic status of famous expressions regarding the phraseological system of the language

There is carried out the linguistic analysis of famous expressions as the object of phraseology. There is given the critical review of special literature. There is suggested the author's opinion on the debatable issues of the theory of phraseology: specified the scope of phraseology, determined the criteria of phraseological nature of famous expressions, used the structural and semantic classification of the researched material, made the conclusion about famous expressions as an important source of phraseological contents of the language.

Key words: *scope of phraseology, famous expressions as the object of phraseology, criteria of phraseological nature of famous expressions, classification of the German phraseology.*

(Статья поступила в редакцию 02.10.2015)

И.Е. ИВАНОВА
(Иркутск)

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
«КОНВЕРСИВНАЯ ПАРА»
И «СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПАРА» В СЕМАНТИКО-
ДЕРИВАЦИОННОМ ПОДХОДЕ
В ИЗУЧЕНИИ КОНВЕРСИВОВ**

Анализируются дифференциальные и интегральные признаки понятий «конверсивная пара» и «словообразовательная пара», составляющие содержательно-методологическую основу семантико-деривационного подхода в изучении конверсивов. Автор приходит к выводу, что понятие «словообразовательная пара» по отношению к понятию «конверсивная пара» выступает как прием, посредством которого устанавливаются деривационные отношения производных конверсивов с целью демонстрации участия словообразовательных инструментов производности в построении семантической системы языка.

Ключевые слова: *конверсивы, отраженные конверсивы, семантико-деривационный подход, семантическое отражение, системность языка, словообразовательный квадрат.*

История изучения конверсивов в русском языкознании имеет полувековую историю и насчитывает пять подходов, поэтапно сменявших друг друга на протяжении вто-

рой половины XX – начала XXI в. в зависимости от парадигмы научного знания и пополнявших тем самым гносеологический аппарат конверсологии: синтаксический, семантико-синтаксический, лексико-семантический, семантико-деривационный и когнитивно-семантический [9], [13]. Во избежание научной омонимии, сложившейся вокруг лингвистического термина «конверсия» (конверсия как способ словообразования, характеризующийся сменной частеречной принадлежностью, и конверсия как лексико-грамматический способ выражения субъектно-объектных отношений в языке), отметим, что речь идет о втором явлении, а потому конверсивы в нашем понимании – это слова одного лексико-грамматического класса, занимающие позицию реляционного предиката в структуре конвертируемых предложений и выражающие значения, соотносящиеся с одним денотатом и реализующиеся в изменении направления отношений в семантической (но не в денотативной) структуре данных предложений.

Например, *иметь – принадлежать:*

Супруга председателя комитета по финансовому рынку Владислава Резника имеет квартиру в США площадью 224 кв. м [19]. ↔ Квартира в США площадью 2241 кв. м принадлежит супруге комитета по финансовому рынку Владиславу Резнику.

Создатель ↔ создание:

Лавров – <...> создатель первого в СССР транслятора с Алгола <...> [Там же]. ↔ Первый в СССР транслятор с Алгола – создание Лаврова.

Гармоничный ↔ гармонировать:

Материальное и духовное должны пребывать в гармонии [Там же]. → Материальное должно гармонировать с духовным. ↔ Духовное должно гармонировать с материальным.

Тоньше ↔ толще:

Главе кабинета министров РФ пояснили, что волокно этой сетки тоньше волокна, используемого при производстве женских колготок [Там же]. → Волокно этой сетки тоньше волокна, используемого при производстве женских колготок. ↔ Волокно, используемое при производстве женских колготок, толще волокна этой сетки.

Ровесник – ровесник; старше ↔ моложе:

Глеб Нержин был ровесник Пряничкова, но выглядел старше (Солженицын А. В круге первом) [19]. ↔ Пряничков был ровесником Глеба Нержина, но выглядел моложе.